

Земля, где родился Тургенев, особенная. Это земля коренной России колыбели русского человека и русского несравненного языка.

Я начну с языка. Язык Тургенева – это язык самой срединной части России, куда стекались для охраны нашей границы от Орды лучшие, самые одарённые люди. Здесь пролегла граница между Московской Русью и Ордой, или Степью, как её называли тогда. И именно сюда устремлялись лучшие люди нашего государства, воины, работники, таланты. Они-то и встали стеной перед лицом жадного Ордынского войска.

И неслучайно, что здесь явилась миру плеяда замечательных русских писателей. Тургенев, Лесков, Тютчев, Фет, Писарев, а позднее – Бунин, Пришвин, Борис Зайцев, Леонид Андреев.

Учиться нам predeterminedено у них, у русской классической литературы, в свою очередь учившейся языку у русского народа, его истории и у русской природы.

Она ещё, к счастью, в некоторых местах сохранилась.

Бежин луг. Звуки, запахи, названия трав, цветов, птиц, шелест листьев в лесу – всё это язык Тургенева, как и восходы, закаты, ненарушимая тишина русских полей.

Иван Сергеевич Тургенев родился 28 октября 1818 года в Орле и вскоре был перевезён в имение матери Спасское.

Владелицей Спасского, как, впрочем, и 5 тысяч крепостных только в одной Орловской губернии, была мать Тургенева Варвара Петровна Лутовинова. Их брак с блестящим кавалергардом, героем Бородинской битвы, Николаем Сергеевичем Тургеневым не был счастливым. Отец будущего автора «Записок охотника» женился на его матери из расчёта, так как надо было поправить дела древнего, но обедневшего дворянского рода, к которому он принадлежал.

Взаимной любви не было, были даже обоюдные измены, и это сказалось на детях, прежде всего на особенно чувствительном Иване, жизнь которого на многие годы сделалась отражением этой семейной драмы.

Варвара Петровна была некрасива, Сергей Николаевич – красив. Лицо матери носило следы перенесённой оспы, только глаза выдавали и страстную натуру, и ум, и даже женскую привлекательность.

Её детство было надломленным, тяжким. Мать после смерти отца привела в дом отчима, и отчим стал охотиться за приёмной дочерью.

Она бежала из дома полуодетая, через окно, в сопровождении няни. Её приютил дядя Лутовинов. Вскоре его поразил удар, и будущая мать Тургенева стала одной из богатейших помещиц Орловской губернии.

Всё это исказило и ожесточило её душу, и старший брат Тургенева Николай, и сам Тургенев почувствовали на себе её тяжёлую властную руку и примешанную к материнскому чувству беспощадность обращения, выразившуюся в том, что она сама розгами порола сыновей и держала их, уже взрослых, на голодном пайке, не желая делиться своей собственностью, своими деньгами, своей землёй.

К тому же отец однажды написал Ивану: «Сын мой, бойся женской любви, этого счастья, этой отравы».

Отсюда робость Тургенева в отношениях с женщинами, несладкая судьба, ибо и он любил, и его любили многие, но подойти близко к женщине, стать её опорой, её мужем, наконец, он так и не смог.

Вот что писал об этой особенности Тургенева близко его знавший известный литератор Павел Васильевич Анненков: «Никто не замечал меланхолического оттенка в жизни Тургенева, а между тем он был несчастным человеком в собственных глазах; ему недоставало женской любви и привязанности, которых он искал с ранних пор... Сам он страдал сознанием, что не может победить женской души и управлять ею, он мог только измучить её. Для торжества при столкновении страсти ему не доставало наглости, безумства, ослепления».

Романтизм любовного чувства, его поэзия были подвергнуты пытке ещё в юности.

В 21 год Тургенев полюбил служившую у матери белошвейку Авдотью Иванову. У них родилась дочь, и Тургенев хотел жениться на этой женщине, но мать запретила ему, а Авдотью тут же отправила в Москву и вскоре нашла ей мужа.

Окружающее усадьбу пространство кажется беспредельно. Это русский мир, в который вступает сначала юный, а затем молодой Тургенев. Это и расположенные поблизости деревни и деревеньки, живущие в них крестьяне и крестьянские дети. Это исконный русский мир

с его страданиями, слезами, с его песнями, находчивым умом, его образно точным словом, с его терпением и верой в Бога, с близостью к природе, земле и постоянным трудом.

Весь этот мир войдёт впоследствии в его первую книгу «Записки охотника», написанную не наблюдательным баринном, а человеком, чувствующим себя среди народа своим, не скрывающим ни сочувствия, ни любви к нему.

Позже в «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев назовёт крепостное право врагом, которому он поклялся объявить войну. Вспоминается факт из его ещё юной жизни.

Варвара Петровна решила продать крепостную девушку Лушку, но сын восстал против этого её решения. Когда пришла полиция, чтоб забрать девушку и передать её новому хозяину, Тургенев вышел ей навстречу с ружьём и сказал, что будет стрелять, если она применит силу.

Лушку он отстоял. А «дело» по поводу его неповиновения властям было заведено, и разбор его тянулся несколько лет.

Джеймс Джойс, ирландский писатель, автор всемирно известного романа «Улисс», писал, что «Записки охотника» выше всех романов Тургенева. Заметим, что это сказал человек, который мог прочесть книгу Тургенева лишь в переводе.

Что бы он сказал, знай Джойс русский язык!

Один современник Тургенева сообщает в своих воспоминаниях: «Рассказывают, что, освободивши крепостных, Александр Второй просил передать Тургеневу: “Записки охотника” сыграли большую роль в моём решении».

Поразительно: русские цари читали русских писателей и даже вникали им. Чего не скажешь о нынешних. Хотя тогда и писатели были другие.

Я теряюсь в догадках, что назвать лучшим в этих «Записках». Всё близко и дорого и волнует сердце. Начиная от «Хоря и Калиныча», где выведены два русских типа – крепкого крестьянина, хозяина, твёрдо стоящего на земле, и романтика, почти поэта с его нежностью ко всему живому, будь то птицы, деревья или пчёлы. Или жалостливая песня «Доля ты моя! Доля!».

Или рассказ «Ермолай и мельничиха» (кстати, где крестьянина, изображенного в Ермолае, Тургенев выкупил из рабства), где нежность отдана уже женщине, как и смирение, красота и нелегкая судьба.

Особенно я люблю рассказы «Бежин луг» (никто так до Тургенева не писал о крестьянских детях), «Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Касьян с Красивой мечи», «Свидание» (ещё одна дань крепостной женщине-крестьянке) и особенно «Живые мощи».

Это триумф Тургенева-знатока природы и, вместе с тем, поэта, высоко поднявшего в глазах читателя по всем обстоятельствам несчастную женщину. Лукерья, героиня «Живых мощей», в молодости первая красавица на деревне, первая певунья и плясунья, разбита параличом, но полна прощающей радости и неизмеримой, переполненной через край любви ко всему живому.

Вот её последние слова, обращённые к посетившему её Тургеневу: «Ничего мне не нужно. Всем довольна, слава Богу... Дай Бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить – крестьяне здешние бедные – хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточно, угодий нет... Они бы за вас Богу помолились... А мне ничего не нужно – всем довольна».

Как же не согласиться в эту минуту с Тютчевым: «Край родной долготерпенья, край ты русского народа!»

Именно этот стих взят Тургеневым эпитафией к «Живым мощам». «Записки охотника» Тургенев начал печатать в журнале «Современник». Редактировал этот журнал, основанный Пушкиным, Николай Алексеевич Некрасов. Его совладельцем был Панаев. Но главную роль в определении линии журнала, помимо Некрасова, играл Белинский, а позже Добролюбов и Чернышевский.

Первый рассказ из «Записок охотника» «Хорь и Калиныч» был напечатан здесь в 1847 году в номере 1-м в отделе «Смесь». Этот отдел считался не главным, почти подвёрсткой, но уже следующая публикация из «Записок» «Ермолай и мельничиха» явилась в том же 1847-м в номере 5, но уже в отделе первом, то есть основном. И «Бежин луг», и «Касьян с Красивой мечи», и «Бурмистр», и «Контора», «Бирюк», «Лебедянь», «Смерть», «Гамлет Щигровского уезда», «Чертопханов и Недопюскин», «Лес и степь» были напечатаны здесь.

А «Живые мощи» появились в «Складчине», литературном сборнике в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. Произошло это, когда Тургенев уже был автором романов.

Действие почти всех романов Тургенева происходит не в столицах, а в провинции – той самой провинции, которая так была близка ему с детства.

Что такое романы Тургенева? Это русская жизнь XIX века с начала 40-х годов до конца 70-х. Это целая эпоха нашей истории, начинающаяся с правления Николая Первого и кончающаяся убийством Царя-Освободителя в 1881 году.

Тургенев в своих романах как бы идёт вдоль современной ему русской истории в тесном соприкосновении с ней, не упуская из виду ни одного значительного изменения в обществе, в человеке своего поколения.

И здесь он переходит к людям, как он сам скажет, «образованного класса», то есть к той дворянской интеллигенции, к какой принадлежал сам, и духовные изменения внутри которой совпадали нередко с его собственным внутренним развитием.

Скажу два слова о романе «Отцы и дети».

Роман этот, между прочим, посвящённый памяти Белинского, совпадает со временем не только предшествующим реформам Александра Второго, но и меняющейся вслед за ними русской жизни.

Чуткий глаз Тургенева разглядел в студенте Базарове новые, стремительно растущие настроения молодёжи, явившиеся в эпоху перемен и во время угасания романтизма под влиянием распространившихся естественных наук и присущего им материализма.

Тургенев поставил друг против друга Базарова и старый дворянский быт с его воззрениями, привычками, нажитым за многие годы идеализмом.

Базаров, безусловно, полемический образ, отсюда его резкости, шокирующие дворянское сознание высказывания, некоторые из которых смотрятся как вызывающие афоризмы. Например, «порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта», «Рафаэль гроша медного не стоит». Одним словом, решительный отрицатель всего и вся, кроме положительного знания. А его он находит в естественной науке, в своих опытах над лягушками, в работе с микроскопом и в медицинской практике.

Но Базаров вовсе не краснобай, не выхолощенный отрицатель. Все его афоризмы – это бравада молодости. А вот когда надо спасти заболевшего сына Фенечки, перевязать рану раненому им на дуэли Павлу Кирсанову или помочь заболевшим крестьянам, он тут как тут.

В этом поколении не ценится фраза, внешняя образованность (Базаров, например, считал, что Пушкин служил в армии). Он ценит *дело*, отрицая веру отцов, отрицает её бескорыстно, ничего не желая для себя, для своей выгоды.

Тургенев разглядел это бескорыстие в пионере нигилизма, столь далёкого от нигилизма поздних его приверженцев, которых отрицание привело к разрушительству и к «мокрым делам».

Действие романа, как указано в его первых строках, происходит в 1859 году, но печатался он в июле 1861 года (то есть после освобождения крестьян) в журнале «Русский вестник».

Как бы Базаров ни иронизировал над тем же мужиком, ни задавал ему глупых вопросов вроде этого: «Ты растолкуй, что такое есть ваш мир», по поводу которого он кажется в глазах мужика «шутком гороховым», но на самом деле Базаров стоит ближе к народу, чем все эти Кирсановы, Одинцовы и прочие. И крестьянские дети его любят и бегают за ним, и младенец Митя, сын Фенечки, идёт к нему на руки, не плача. И даже умирает Базаров, участвуя во вскрытии тифозного крестьянина, заразившись трупным ядом.

Не бережёт свои чистые ручки, не бережёт себя.

Какой пример нигилистам нашего времени, которые саму Россию отрицают как великое государство, её историю, а главное, подвиг её народа!

Простимся с Базаровым. Простим его неуёмной душе порывы к отрицанию и перейдём к другим романам Тургенева, последовавшим за «Отцами и детьми», и, если можно сказать, к самим «детям», далеко ушедшим от благородства и чистоты этого не похожего на других нигилистов «нигилиста».

Время появления в печати романа «Дым» в 1867 году в журнале «Русский вестник» отделяется от «Отцов и детей» не только короткой календарной паузой, но и целой эпохой в жизни России и в жизни самого Тургенева.

За год до этого было совершено первое покушение на Александра Второго. У решётки Летнего сада 4 апреля 1866 года студент Каракозов стрелял в царя, запасшись предварительно ядом на случай провала. Да, далеко шагнул нигилизм за эти годы!

«Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник», – говорил Базаров. А тут уже не работники, а террористы.

В 1867 году в Париже, где гостил тогда Александр Второй, поляк Березовский стрелял в него, но промахнулся. К этому времени Тургенев разошёлся с Некрасовым и его окружением, порвал с «Современником», где о его романе «Накануне» была напечатана «революционная» статья Добролюбова «Когда же придёт настоящий день?».

Оживилась и русская эмиграция в Европе, во главе которой стояли такие фигуры, как Герцен и Бакунин, – люди, близко знавшие Тургенева, с которыми он даже дружил. Почему же он безымянно участвовал в герценовском «Колоколе», чуть ли не звавшем Русь к топору, был близок к анархисту и стороннику крайних мер Бакунину?

Ведь ещё в октябре 1851 года, когда Михаил Щепкин привёл Тургенева к Гоголю на Никитский бульвар, автор «Выбранных мест из

переписки с друзьями», откуда, по словам тогдашнего Тургенева, «шёл затхлый и пресный дух», высказал негодование по поводу брошюры Герцена «О развитии революционных идей в России», где тот причислил сочинения Гоголя к работающим на эти идеи.

Тогда Тургенев был иным и считал тон «Выбранных мест» «прихлебательским». Но в 1852 году, когда Гоголя не стало, напечатал в «Московских ведомостях» некролог, где назвал творца «Выбранных мест» великим писателем. Тургенева тогда взяли под арест и отправили в двухгодичную ссылку в его родное Спасское-Лутовиново.

Тургенев менялся, но не забудем, как он начинал. В «Литературных и житейских воспоминаниях», оправдывая свой отъезд на учёбу в Берлин (скажу, что в 1836 году Тургенев закончил филологический факультет Петербургского университета), он писал: «Я был убеждён, что источник настоящего знания находится за границей... Я чувствовал, эта земля (я говорю не об отечестве, а о нравственном и умственном достоянии каждого) велика и обильна, а порядка в ней нет... Я бросился вниз головою в “немецкое море”, долженствующее очистить и возродить меня, и когда я, наконец, вынырнул из его волн – я всё-таки очутился “западником” и остался им навсегда».

Что касается последней фразы из этой исповеди, то я ещё вернусь к ней и посмотрю, насколько она сбылась.

К тому времени он уже разошёлся во взглядах с Герценом и, тем более, Бакуниным. Разрыв с Герценом и «заговорщиками», как называли Герцена и его единомышленников, произошёл ещё в 1863 году. Герцен напечатал в «Колоколе» цикл статей «Концы и начала», где спорил с Тургеневым. Герцен стоял за русский социализм на основе крестьянской общины, Тургенев не верил в него.

«Главное наше несогласие с Герценом, Огарёвым и Бакуниным, – писал он, – они презирают образованный класс и предполагают революционные или реформаторские начала в народе».

Этих начал в русском крестьянстве, которое он знал лучше своих оппонентов, Тургенев не видел. Никакой революции народ, по его мнению, не хотел и ещё долго, а может, и никогда не захочет.

В русском суде рассматривалось так называемой «дело 32-х» о сношениях с «лондонскими пропагандистами». И был сделан официальный запрос Тургеневу об участии в этом деле. Тургенев вынужден был написать письмо царю о своих расхождениях с Герценом и Бакуниным. Герцен в «Колоколе» ядовито осмеял его, назвав Тургенева «седовласой Магдалиной», которая кается перед царём в совершённых грехах.

Я так подробно останавливаюсь на этой истории из жизни автора «Дыма», поскольку это роман политический, с элементами памфлета и сатиры, где представлены почти все слои русского сообщества за границей. Здесь и славянофилы (Губарев и его компания), и западники (Потугин), и генералитет, или высшая знать. И каждая из этих групп по-своему судит о настоящем и будущем России.

Вот речь одного из героев романа Потугина (фамилия-то какая – поднатужиться надо!):

«У нас хватились, наконец, ума-разума и не намерены более под предлогом самостоятельности там, народности или оригинальности, к чистой и ясной европейской логике прицеплять доморощенный хвостик... Уж эти мне самородки! Да кто же не знает, что щеголяют ими

только там, где нет ни настоящей, в плоть и кровь перешедшей науки, ни настоящего искусства».

И это говорится о России Ломоносова, Лобачевского, Державина, Пушкина, Гоголя, Толстого и самого Тургенева!

И вновь Потугин: «... что мы не одним только знанием, искусством, правом обязаны цивилизации, но что самое даже чувство красоты и поэзии развивается и входит в силу под влиянием той же цивилизации и что так называемое, народное, наивное, бессознательное творчество есть нелепость и чепуха... Мешковатое ухарство – вот наш художественный идеал».

Славянофилам в «Дыме» достаётся не меньше, чем России и русскому народу, а высший свет – это чистый маскарад, игра масок, на каждой из которых изображён то чёрт, то бес, то сам дьявол.

Главный герой романа Литвинов выслушивает всех и возвращается в Россию. Возвращается к тому же разбитый любовью к жене генерала Ирине, предавшей его во второй раз (первый случай был в его юности) ради отвратного ей, но близкого «света».

Поезд покидает Германию. Старый паровоз тянет вагоны, и из трубы его стелется дым.

Идёт внутренний монолог Литвинова: ««Дым, дым», – повторил он несколько раз; и все вдруг показалось ему дымом, все, собственная жизнь, русская жизнь – все людское, особенно все русское...»

Дым, шептал он, дым; вспомнились горячие споры, толки и крики у Губарева, у других, высоко и низко поставленных... Дым, повторял он, дым и пар».

Можно сказать, глядя на этот роман из XXI века, что Тургенев поставил в нём на «русском образованном классе» крест, но вся ли это русская интеллигенция?

«Дым» встретил отрицательное отношение на родине.

Ф.И. Тютчев написал эпиграмму:

«И дым отечества нам сладок и приятен!» –
Так поэтически век прошлый говорит.
А в наш – и сам талант всё ищет в солнце пятен,
И смрадным дымом он отечество коптит!

Тютчев добавил к этой эпиграмме стихотворение «Дым», тоже посвященное Тургеневу. В нём говорится, что в начале поприща у Тургенева зеленел русский лес, «лучи сквозили, трепетали тени», а теперь дымятся пожарищем сожжённые деревья.

Однако кончает он надеждой:

Нет, это сон! Нет, ветерок повеет
И дымный призрак унесёт с собой...
И вот опять наш лес зазеленеет...
И всё тот же лес, волшебный и родной.

Ф. М. Достоевский был суровой. Встретившись в 1867 году с автором «Дыма» в Баден-Бадене, он сказал Тургеневу: «Эту книгу надо сжечь рукой палача... Вы ненавидите Россию, вы не верите в её будущее... Вам надо съездить в Париж и купить себе телескоп, чтобы смотреть на Россию».

Позже в романе «Бесы» Достоевский выведет Тургенева под именем писателя Кармазинова (читай, «красного»), который в главе «Кадриль литературы» станет потешать публику своими похожими на пародию сочинениями.

Тургенев уже не в Баден-Бадене, а в России. Снова провинция, снова за ним русская дворянская усадьба. Он садится за новый роман, последний из летописи России, начатой ещё в «Рудине». Он пишет его в Париже, а заканчивает летом 1876 года в Спасском.

В 1877 году роман выходит в свет в журнале «Вестник Европы»
Весьма показателен эпиграф к «Нови», как называет Тургенев свой роман: «поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом». Под эпиграфом пояснение: «Из записок хозяина-агронома».

Мы помним, что Литвинов возвращается в Россию, в своё поместье, чтоб восстановить разрушенное до него хозяйство.

Но герои «Нови» – тот же образованный класс, лучшие из которого хотят прилечь силой на глубоко забирающий землю плуг.

Они жаждут «революции», взрыва, который должен разрушить, поднять на воздух установившийся народный уклад. Они идут в народ, переодетые в простых крестьян, раздают мужикам листовки и книги, собирают в деревнях митинги, призывая их обитателей к бунту, восстанию и всё той же, не понятной для них «революции».

Кстати, вот что писал на этот счёт проживший много лет на Западе Тютчев: «Революция... прежде всего – враг христианства... Человеческое я, желающее зависеть лишь от самого себя, не признающее и не принимающее другого закона, кроме собственного волеизъявления, одним словом человеческое я, заменяющее собой Бога... не является чем-то новым среди людей; новым становится самовластие человеческого я, возведённое в политическое и общественное право и стремящееся с его помощью овладеть обществом». «...Революция нигде не может надеяться на *правление*. И даже если она захватит Власть хотя бы на краткий миг, то породит лишь гражданскую войну».

Тургенев в своём романе, может быть, первый увидел, что народ и «образованный класс» далеко отстоят друг от друга, а «образованный класс», желающий опроститься, жить тою же жизнью, что и крестьянин, пустился в нежизненное для России и гибельное для себя предприятие.

Одного из героев «Нови», студента-идеалиста, он провидчески назвал Неждановым, имея в виду, что народ не ждал этих непрошенных гостей, агитаторов и возмутителей. И, поняв пустоту им затеянного, честный Нежданов кончает с собой.

Бессилие явления, получившего название «народничества», несмотря на личную порядочность его участников и искреннюю веру в избранный путь, вызывает боль у Тургенева и сердечное сочувствие к заблудившимся.

Критика писала о «Нови», что автор всё преувеличил, исказил и не понял «народничества». Но случившийся вскоре «процесс 50-ти», состоявшийся в феврале–марте 1877 года (т. е. после того, как роман был написан), подтвердил предсказания Тургенева.

1 ноября 1843 года 25-летний Тургенев знакомится с 20-летней французской певицей Полиной Виардо, приехавшей на гастроли в Петербург. С этого времени и до конца его жизни он, можно сказать, сорок лет состоит при ней. Любовь перемежается дружбой, дружба любовью,

и, наконец, он становится паладином этой женщины. Он не отходит от неё ни на шаг, изредка вознаграждаемый за эту верность, но чаще живущий, как он скажет потом, «на краешке чужого гнезда». Тургенев пребывает в её семье, где есть и муж, и дети. Как пишет в своих воспоминаниях хорошо знакомый с жизнью Тургенева Герман Лопатин: «Виардо? Добрый гений Тургенева? Она экспроприировала Тургенева у России».

Наезжая то и дело в Россию, Тургенев недолго оставался там и спешил туда, где пела Виардо: в Лондон, в Берлин и, конечно, в Париж «Он жалок, – говорил Лев Толстой. – Я не верю, что так можно любить».

Однако это было.

«Вся моя жизнь пронизана женским началом, – признавался Тургенев на ужине у Флобера. – Ни книга, ни что-либо иное не может заменить мне женщину... Как это объяснить? Я полагаю, что только любовь вызывает такой расцвет всего существа, какого не может дать ничто другое».

Но любовь «на краешке чужого гнезда»?

К тому же это было не родное гнездо, как в детстве, а чужое. Это была уменьшенная в размерах территория, не похожая на ту Родину, что расстилалась перед глазами слушателей рассказа «Певцы» – простора от края и до края.

Почему Виардо приняла это тесное присутствие в её жизни Тургенева? У неё были отношения с другими поклонниками, хотя, замечу, она была некрасива. Тем не менее, никто из них не мог бы сравниться с этим знаменитым русским романистом (скажу от себя, к тому же красавцем), которого знали не только в России, но и высоко ставили во всей Европе.

Тургенев был украшением её салона, украшением её имени и её самой. Женское тщеславие решило исход этого романа, если его можно назвать романом.

В 1856 году Тургенев откровенно писал Фету: «Я подчинён воле этой женщины. Нет! Она заслонила от меня всё остальное, так мне и надо. Я только тогда блаженствую, когда женщина каблуком наступит мне на шею и вдавит мне лицо носом в грязь».

Этого не было, когда он сближался с другими женщинами, русскими женщинами, которые любили его и хотели долго любить.

Так было с Ольгой Тургеневой, его дальней родственницей, Юлией Вревской, Марией Николаевной Толстой, сестрой Толстого, актрисой Марией Савиной, сестрой Михаила Бакунина Татьяной Бакуниной. Всё это были женщины, которые напоминают героинь его романов, содержательных, идеальных, красивых и душой и телом, и к тому же устремляющихся к высокому и прекрасному.

Во всех этих случаях Тургенев, увлекшись и увлекая их, отступал, останавливаясь перед какой-то чертой.

Тургенев был певцом женской любви, но по большей части то была любовь несчастная, неудавшаяся и кончающаяся разрывом, бегством от любви и от той, кто мужчине это чувство внушил.

Вспомним «Асю», «Вешние воды», целую серию фантастических повестей Тургенева, таких, как «Фауст», «Странная история», «Клара Милич. Любовь после смерти», «Призраки», «Песнь торжествующей любви». И, конечно, повесть «Несчастливая».

Все эти истории колдовские, почти сумасшедшие, как отношения Виардо и Тургенева. Может, она околдовала его? Как это сделала геро-

иня «Призраков», женщина с нерусским именем Эллис, подхватившая героя на крылья и облетевшая с ним полсвета.

Замечу, что всё это касалось женщин его круга и совершенно отступало от его пера, когда он писал – или реально любил – таких простых женщин, как мать его дочери Авдотья Иванова, женщин-крестьянок, стоящих внизу социальной лестницы.

«Послушайте-ка, – говорил он в гостях у того же Флобера, – в молодости у меня была любовница – мельничиха из окрестностей Санкт-Петербурга... Она была прехорошенькая – блондинка с лучистыми глазами... Она ничего не хотела от меня принимать. А однажды сказала: “Вы должны сделать мне подарок!” – “Чего ты хочешь?” – “Принесите мне мыло!” Я принёс её мыло. Она взяла его и исчезла. Вернулась раскрасневшаяся и сказала, протягивая мне свои благоухающие руки: “Поцелуйте мои руки так, как вы целуете их дамам в петербургских гостиных!” Я бросился перед ней на колени... Нет мгновения в моей жизни, которое могло бы сравниться с этим!»

Поэтому без мельничихи из «Ермолая и мельничихи», Акулины из рассказа «Свидание», больной девушки из «Уездного лекаря», Татьяны из «Нови» и Татьяны из «Дыма» нельзя нарисовать образ русского мира.

На Западе да и в России его называли «русский западник». Значительную часть жизни он прожил в Европе – во Франции и Германии. Его трагической и самой сильной привязанностью была иностранка, он был напрямую связан с русской радикальной эмиграцией, принимал участие в её изданиях, где царствовал критический пафос в отношении России, дружил с Герценом, Лавровым (даже помогал деньгами его революционному журналу «Вперёд!»), Лопатиным, Бакуниным, организовал Русскую библиотеку в Париже, которая существует до сих пор, переводил французских писателей на русский язык, печатался в Лондоне, Париже, Германии и даже в США. Но был ли он законченный «западник»?

Вот что он говорил некоему Н. М., оставившему свои воспоминания о нём: «В русском народе продолжают психические процессы самоопределения и искания правды и идеала, тогда как во Франции замечается во всех классах какая-то культурная “окристаллизованность”, нравственная и идейная законченность, точно нация исчерпала весь запах своих духовных сил». Тургенев подчёркивает, что русский человек не может «замереть в той форме, в какой замерли, по-видимому, французы». У них «всё покрыто толстой корой сытомещанской культуры».

И наконец, в тех же воспоминаниях Н. М.: «Насильственно вламываться в народную жизнь... нет никакого резона; лучше предоставить народу полную свободу устраиваться самому... Будет вам шататься за границей... Поезжайте в Россию. Как ни тяжела... русская атмосфера, там всё-таки вы на родной почве, которая... даёт пищу и направление вашей мысли, поддерживает жизнь и энергию... Я лучше вас был приспособлен к жизни за границей, да и то, сущности, прозябаю и всё чего-то жду... и не дождусь уже теперь...»

Как говорил Тургенев в последние годы жизни, «под гору пошла дорога». На этой дороге родились и «Стихотворения в прозе» – завещание Тургенева и его печаль по случаю близкого ухода. Именно

в них блеснула новелла о русском языке, который должен был быть дан только великому народу.

А его желание быть похороненным в русской земле?

Тургенев умер в Буживале 22 августа 1883 года. А 27 сентября его похоронили на Волковом кладбище в Петербурге.

И не зря и в «Дыме», и в «Нови» Тургенев возвращается в родные места. И сколько в той же «Нови», где порицаются преждевременная революционность, а заодно и будущие катастрофы, которые она породит, наряду с несогласием с народничеством, с его искусственным «опрощением», переодеванием в крестьянский «армяк» (эта идеализация «армяка» стала причиной его расхождения со славянофилами), с его хождением в народ, с речами о неповиновении, восстании, бунте – сочувствия и сожаления по поводу заблуждения честных, искренних и бескорыстных молодых людей, энтузиастов, по существу, неправого дела.

Нет, народ свой Тургенев не разлюбил, от его участи не отрёкся, а лишь сердцем своим приблизился к нему.

Драма? Да. Трагедия? Да. Но драма и трагедия любви.